

УДК 903.27:930

doi 10.17072/2219-3111-2023-1-113-123

Ссылка для цитирования: Юрьева И. С. Временные и изъяснительные союзы в разных текстологических частях Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1(60). С. 113–123.

ВРЕМЕННЫЕ И ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В РАЗНЫХ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТЯХ КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

И. С. Юрьева

Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2;

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а
iriwonok@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0943-1216

ResearcherID: T-8359-2017

В работе рассмотрено соотношение синонимичных временных и изъяснительных союзов внутри частей Киевской летописи, различающихся по языку. Исследуются особенности употребления собственно временных союзов *егда* и *коли*, а также многофункциональных *яко* и *како* во временной функции. Наряду с этими распространёнными союзами рассматривается *ако* 'когда', не зафиксированный ни в одной ранней летописи, кроме Киевской. В статье также представлены особенности изъяснительных придаточных предложений с мультифункциональными союзами *иже*, *что*, *ако(же)*, *како*, *аже*, *оже* и *яко*. По набору временных и изъяснительных союзов отдельные участки Киевской летописи можно сопоставить с другими памятниками, как более, так и менее книжными – например, с книжной Галицкой летописью, архаичной Повестью временных лет или, напротив, с Волынской летописью, язык которой близок к живому древнерусскому. Исследование показало, что в частях повествования Киевской летописи, разделённых обнаруженными ранее текстологическими швами в статьях 1144, 1150, 1152, 1171 и 1183–1184 гг., различаются и стратегии употребления синонимичных подчинительных союзов: в частности, меняются наборы контекстов для временных союзов (речь идет о нарративе, относящемся к деятельности князей, религиозном нарративе, прямой речи церковных лиц и прямой речи светских персонажей) и различается выбор предиката для изъяснительных (в основном это касается глаголов со значением 'думать', 'знать/узнать', 'говорить/сказать', 'клясться', 'увидеть', 'услышать'). Поэтому предположительно можно говорить о том, что эти шесть частей созданы разными авторами, имевшими различные языковые установки.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописи, Киевская летопись, Киевский свод, текстология, источниковедение, лингвистика, подчинительные союзы.

В ряде работ [Гиппиус, 2006; 2001; Юрьева, 2016; и др.] продемонстрировано, что лингвистическое картографирование – один из наиболее перспективных и надежных методов выявления в древнерусских летописях пластов текста, созданных разными авторами. Тем более оправданно применение этого метода к анализу столь обширного, текстологически сложного и до сих пор недостаточно изученного памятника, как Киевская летопись (далее – КЛ), т.е. текст Ипатьевской летописи за 1110–1190-е гг. (после окончания «Повести временных лет» (ПВЛ) и до начала Галицкой² летописи).

В работе [Юрьева, 2021а] были рассмотрены различные лингвистические параметры, по которым определяются текстологические границы внутри КЛ. На основании распределения частотных морфологических, лексических и синтаксических синонимов выделены пять швов, разделяющих шесть отличающихся по языку частей памятника:

- 1) до 1044 г. (до 116в:19³);
- 2) 1144–1150 гг. (116в:20–146г:15);
- 3) 1150–1152 гг. (146г:15–163а:13);
- 4) 1152–1171 гг. (163а:14–194г:32);

5) 1171–1183 гг. (195а:1–222б:16);

6) 1184–1200 гг. (222б:17–245а:3).

Предметом настоящего исследования служит распределение синонимичных подчинительных союзов в разных с текстологической точки зрения частях КЛ. С одной стороны, предпочтению того или иного синонима само по себе является определенной стратегией, с другой стороны, употребление союзов в древнерусских памятниках имело жанрово-стилистические особенности (ср. [Борковский, 1979; Плетнёва, 2021]), а в границах жанра нередко зависело от степени книжности памятника, что, в частности, особенно характерно для раннедревнерусских летописей (ср. [Юрьева, 2021b]).

Самые частотные придаточные предложения в летописях – временные, изъяснительные и условные. Распределение наиболее распространенных условных союзов в тексте Киевской летописи уже было представлено в [Юрьева, 2021a], так что речь далее пойдет о временных и изъяснительных.

Во временных придаточных в летописях выступают собственно временные союзы **егда** и **коли** и мультифункциональные **яко** и **како**⁴. Союз **егда** чаще всего встречается в том или ином религиозном контексте, коли – в княжеском нарративе, т.е. в той части летописного повествования, которая непосредственно касается деятельности князей, и прямой речи светских лиц, **яко** – в княжеском нарративе, **како** – в прямой речи светских лиц. В более книжных летописях – ПВЛ, Галицкой летописи (ГЛ) и Суздальской летописи (СЛ), т.е. тексте Лаврентьевской летописи после окончания ПВЛ, – преобладает **егда**, из менее книжных в Новгородской первой летописи (НПЛ) и КЛ в целом наиболее частотный временной союз – **яко**. В самой близкой к живому языку и при этом достаточно однородной Волынской летописи (ВЛ) чаще всего встречается союз **коли**. Временной союз **како** зафиксирован только в КЛ и ВЛ.

В абсолютных цифрах в КЛ контекстов с временными придаточными немного, поэтому решающим аргументом для проведения всех текстологических границ эти данные служить не могут. Тем не менее различия в употреблении подчинительных союзов со значением «когда» в разных частях КЛ заметить можно.

В **первой** части (статьи до 1044 г.) присутствуют только **егда** и **коли**, мультифункциональных союзов во временной функции не обнаружено, а поскольку для текста КЛ в целом частотнее других союз **яко**, это значимое отсутствие. Распределяются временные союзы первой части традиционным образом. Синоним **коли** обнаруживается в княжеском нарративе, т.е. в летописном повествовании, непосредственно связанном с деятельностью князей: **и не слышахоуѣтъ его. коли е зовашеъ в роускоую землю в помощь** (112в:18–19, 1140) ‘И они не слышали его, когда он звал [их] на Русскую землю на помощь’. Союз **егда(же)** фиксируется в религиозном контексте: **егдаже несахоуѣтъ и къ гробоу. прѣдивно знамение бѣ на небси** (114в:19–22, 1141) (смерть кн. Андрея Владимировича) ‘Когда его несли к гробнице, предивное знамение появилось на небе’. Последний пример совпадает с чтением СЛ 359:12–13, так что он восходит к общему для КЛ и СЛ источнику⁵. Таким образом, в собственном тексте КЛ в первой части имеется только древнерусский некнижный союз **коли**.

Во **второй** части (статьи 1144–1150 гг.) **егда** не встречается. Союз **коли** отмечен в двух примерах прямой речи князей, ср.: **но ты наш князь коли си<ль>нь. будеши а мы с тобою. а ны не твое время поѣди прочь** (145г:27–31, 1150) ‘Но ты наш князь; когда ты станешь силен, то мы – с тобою. А сейчас не твое время, поезжай назад’. В княжеском нарративе встречаются два названных выше мультифункциональных союза **яко** и **како**. Важно заметить, что это единственный пример с **яко**, отмеченный в нарративе, а не в прямой речи, как во всех прочих контекстах КЛ: **по томъ же времени како оуже рѣкы сташа пославше олгови и двѣвича дружиноу свою с половци воеваша брлгинь** (КЛ, 131г:4–8) ‘А после этого, когда уже реки встали, Ольговичи и оба Давыдовича, отправив свою дружину с половцами, воевали у Бряги-

на'. Что касается **іако**, единственный контекст второй части параллелен здесь СЛ, т.е. в настоящем исследовании не должен учитываться: **и пондоша полци к собѣ. іако снѣцю въсходѣшию. ст҃҃҃пиша и бѣ сѣча зла межи ними** (КЛ, 1396:16–19) 'И войско отправилось к себе; как/когда восходило солнце, они сошлись, и произошла между ними жестокая битва' – ср. СЛ 322:17.

Итак, вторая текстологическая часть КЛ отличается от первой использованием в княжеском нарративе союза **како**, а не **коли**. В прямой речи отмечается **коли**.

Помимо этого, во второй части КЛ фиксируется союз **ако** 'когда'. Этот союз **ако** во временном употреблении из всех ранних летописей встречается только в КЛ, и один из примеров обнаруживается во второй текстологической части: **и тако оугадаша поутъ свон. ако ледове станутъ. понти на гюргѣ к ростовоу** (КЛ, 1346:25–28) 'И они так договорились о своем пути: как/когда лед установится, пойти на Юрия к Ростову'.

Союзы, свойственные книжным памятникам, т.е. **егда** и **іако**, в собственном тексте КЛ в этой части не встречаются, и, если **егда** закреплён за особыми контекстами, у многофункционального **іако** такой закреплённости нет, так что его отсутствие значимо.

В третьей части (статьи 1150–1152 гг.), как и в предыдущей, отсутствует **егда**. **Коли** употребляется в прямой речи, что тоже отмечено в части 2: **с҃҃҃грѣшилъ есмь. и первое. а того скаю. а изнова. коли ми бѣ далъ побѣдити игора. оу кыева. а ѿ есмь на тобѣ чти не положилъ. а потомъ коли оу тумаша** (151г:15–21, 1150) 'Я согрешил и в прошлый раз – и раскаиваюсь в этом – и снова, когда Бог мне дал победить Игоря, а я не оказал тебе чести; а потом, когда у Тумаща...'. Но, помимо **коли**, в прямой речи в этой части КЛ встречается и **како**, ср.: **а како въ понде мон полкъ. такоже и въ пондите** (1586:12–14, 1151) 'А как/когда перед вами пойдет мое войско, так и вы идите'. В княжеском нарративе, в отличие от части 2, **како** не зафиксирован – в собственно летописном повествовании имеются контексты с **ако(же)** и **іако**, ср.: **акоже переправиша вси полци изаслави. чересъ оушю и тѹ придоша стрѣлци. володимери галичскаго. и андрѣевн. и володимери андрѣевич на берегъ** (149в:12–18, 1150) 'Как/когда все войско Изяслава переправилось через Ушу, и тут к берегу пришли стрельцы Владимира Галицкого'; **оутрии же днь в пятницу. іако зорѣ почаша сѣ занимати. переже въ дюрѣ въ бубны в полку и въ трубы въстрѣвиша** (157г:2–7, 1151) 'А на следующий день, в пятницу, как/когда стала заниматься заря, сначала в войске у Юрия [ударил] в бубны и затрубили в трубы'.

Итак, третья часть по употреблению временных союзов отличается от второй и в прямой речи, и в нарративе: в прямой речи имеется не только **коли**, но и **како**; в нарративе, напротив, **како** не встречается, но добавляется универсальный книжный **іако**; наряду с **ако** фиксируется **акоже**.

В четвертой части (1152–1171 гг.) отсутствуют **коли** и **ако(же)**. Временные придаточные четвертой части в княжеском нарративе оформляются только с помощью **іако**, например: **и іако хотѣ. понти из рыльска сѹждалю. и тѹ пригна к нему сѹславъ олгови** (1656:1–4, 1152) 'И как/когда он собрался пойти из Рыльска в Суздаль, то тут примчался к нему Святослав Ольгович'. В нарративе появляется и **егда**, но во всех случаях это религиозный нарратив, и поскольку употребление союза зависит от контекста, текстологическим признаком это служить не может, ср.: **егда бо ѿхода житѣя сего маловременнаго. и мимотекущаго молваше семьюнови** (189а:29–32, 1168), смерть Ростислава 'Когда же он был на исходе этой кратковременной и преходящей жизни, он говорил Симеону...'. В прямой речи фиксируется **іако** – но это прямая речь церковного лица: **держаше бо свитокъ в рѹцѣ. и мнѣ прослѣшию его. и іако вда ми. и развертѣхъ прочтохъ его и бѣ в немъ написано в началѣ се азъ и дѣти моя. іаже ми естъ**

даль бѣ (173г:11–17, 1156) (Нифонт о Феодосии Печерском) ‘Он держал в руке свиток, и я попросил его, и как/когда он мне дал [свиток], и я развернул и прочел его...’.

С точки зрения отличия от других частей КЛ для четвертой части существенно, что единственный вариант временного союза для княжеского нарратива здесь **іако**.

В пятой части (1171–1183 гг.) дважды встречается **коли**. В собственном тексте КЛ это прямая речь церковного лица (игумен Арсений): **вложимы и любо си в бѹди гробѣ. да коли престанеть злоба си. да тогда пришедъ из володимера. и понесутъ и тамо** (КЛ, 209а:1–5, 1175) ‘Положим его хотя бы в склепе в гроб, и когда прекратится эта вражда, то тогда, придя [за ним] из Владимира, понесут его туда’. Можно отметить, что оформление прямой речи отличается от предыдущей части. Второй пример с **коли** на том же участке летописи – тоже в прямой речи, на этот раз светского персонажа, но он совпадает с чтением СЛ, т.е. восходит к общему для двух памятников источнику: **и послаша по нею рекуче. ваю ѿць добръ былъ коли оу насъ былъ. а поѣдѣта к намъ княжить** (210а:32–33/210б:1–2, 1175 = СЛ 372:21–22) ‘И они послали за теми двумя, говоря: «Отец ваш был милостив, когда был у нас [князем], так поезжайте к нам княжить»’. Так же, как в третьей части, в пятой для прямой речи встречается не только **коли**, но и **како**, но зафиксированный контекст – из параллельного СЛ чтения: **какъ ми вѣсть бѹдетъ ѿ нихъ. тогда ти дамъ ѿвѣтъ** (КЛ, 205в:16–18, 1174) ‘Как/когда мне будет от них весть, тогда я дам тебе ответ’. В Суздальской летописи читается **какова** (СЛ, 367:15) – это чтение испорчено, поскольку имеется соотносительное слово **тъгда**. Однако ясно, что в исходном тексте стояло **како**, и, соответственно, в собственном тексте Киевской летописи в данной части в прямой речи можно отметить только **коли**. В нарративе трижды фиксируется **егда**, но все три контекста параллельны СЛ. Первый пример – из текста об изгнании Федорца: **бѣ во егда. хочеть показнити члѣка ѿниметь оу него оумъ** (КЛ, 197б:15–17, 1172) ‘Ведь Бог, когда захочет наказать человека, отнимет у него ум’. В СЛ 355:21–21 параллельный текст испорчен, имеется только окончание фразы, но так или иначе этот фрагмент восходит к общему с СЛ протографу и потому исключается из результатов. Второй пример формально отличается от чтения СЛ: **княже не ѣздѣ. товѣ лѣпо ѣздити въ вѣликѣ полку. и егда совокупшася съ братьею. а нынѣ пошли брата. которого любо ї верендѣвевъ . нѣколко[лько]** (КЛ, 198б:14–20, 1172) ‘Князь, не надо ехать: тебе подобает ездить с большим войском и **когда** ты соединишься с братьями...’ – в СЛ 379:7–8 ошибочно **еда**. Независимо от того, был ли в исходном тексте нередкий для восточнославянских текстов ошибочный вариант **еда**⁷ либо верный **егда**, союз опознается однозначно. В третьем контексте союз в СЛ тот же: **бѣ не дастъ въ швидѹ члѣка проста. егда начнѹтъ его швидити. аже шнѣ своеѣ мѣри дому** (КЛ, 199в:4–7, 1172 = СЛ 361:4–5) ‘Бог не даст в обиду простого человека, когда станут его обижать...’.

Несмотря на отсутствие **іако** в нарративе пятой части, что отличает ее от всех предыдущих, кроме первой, нельзя сделать однозначных выводов, поскольку все нарративные контексты с временными придаточными принадлежат имеющему параллель в Суздальской летописи повествованию.

В шестой части (1184–1200 гг.) в прямой речи нет временных придаточных. В нарративе контексты распределены так же, как в четвертой части: в церковном нарративе **егда**, в княжеском **іако**, ср.: **всегда во тоснашеться оумрети за роускоюю землю. и за хрѣтъяны. егда во видаше . хрѣтъяны полонены ѿ поганѣ. и тако молваше дружинѣ своен. братья ничтоже имете во оумѣ свое. аще нынѣ оумремь. за хрѣтъяны. то шчистивса грѣховѣ свои. и бѣ вмѣнитъ кровь нашу с мѣнкы** (КЛ, 215б:13–23, 1179) ‘...И когда он видел христиан, пленённых язычниками, то так говорил своей дружине...’; и **іако** **привлѣкшася игорь к полкомъ сво-**

имѣ. и переѣхаша поперекъ (224в:9–11) ‘И как/когда Игорь приблизился к своему войску, то они поехали наперерез’.

Хотя малое количество примеров дает возможность высказываться лишь предположительно, по набору временных союзов различные текстологические части КЛ можно сопоставить с разными древнерусскими памятниками. Так, среди всей древнерусской письменности только **како** и **коли** (без **егда** и/или **тако**) во временном употреблении, что демонстрируют данные **части 2**, встречаются лишь в пергаменных грамотах Великого Новгорода и Пскова древнерусского периода. **Третья** и **пятая** части Киевской летописи ближе всего к наименее книжной ВЛ. **Четвертую** и **шестую** части можно соотнести с книжными СЛ и ПВЛ.

В отношении контекста также можно видеть различные стратегии употребления временных союзов. В княжеском нарративе только в **первой** части встречается **коли**, только во **второй** – **како**. В **четвертой** и **шестой** частях для этого типа контекста характерен исключительно **тако**. Уникальные для КЛ временные **ако** и **акоже** отмечаются только во **второй** и **третьей** частях, причем **акоже** – только в **третьей**.

Изъяснительные придаточные в древнерусских текстах частотнее временных, поэтому данные по изъяснительным союзам представляются более весомыми.

В изъяснительной функции в восточнославянских памятниках выступает множество мультифункциональных союзов, из них в ранних древнерусских летописях присутствуют восемь, и все они одновременно зафиксированы только в КЛ. Прежде всего следует назвать самые частотные изъяснительные союзы **тако** и **оже**, из которых первый – единственно допустимый в самых книжных жанрах, а второй имеет жанровые ограничения и может быть значимым как маркер менее книжного текста. Так, в одной из самых книжных летописей – ПВЛ – отмечаются только четыре контекста с изъяснительным **оже** против 141 примера с **тако**. В наименее книжной ВЛ, напротив, только дважды употреблен **тако** ‘что’ при 22 **оже**. Если оценивать текст КЛ в целом, **оже** встречается чаще, чем **тако**, почти в два раза (соответственно 115 контекстов против 64). Менее распространены в летописных текстах **како** и **аже**, причем Киевская летопись – единственный древнерусский текст с частотным изъяснительным **аже**. В КЛ и СЛ в изъяснительной функции встречается **ако(же)**, однако всегда в независимом употреблении: в общем тексте КЛ и СЛ союзы никогда не совпадают. Прочие варианты: **иже**, **да** и **что** – отмечаются в единичных случаях.

Из редких союзов в КЛ церковнославянский **иже** встретился один раз: **и за ними бо҃҃да. о҃҃зрѣ иже половци вси побѣ҃гли** (139б:33/139в:1, 1149) ‘И будучи за ними, он увидел, что все половцы побежали’. Эта летописная статья относится ко **второй части**. Следует отметить, что среди всех оригинальных памятников **иже** в изъяснительном употреблении, помимо процитированного отрывка, зафиксирован только в ПВЛ по Лаврентьевскому списку, ГЛ и ВЛ по одному разу. Интересно, что именно во второй текстологической части КЛ представлено максимальное разнообразие изъяснительных союзов: только здесь обнаруживаются все приведенные выше синонимы.

Изредка (см. [Борковский, 1979, с. 120–121]) в некоторых летописях отмечается в изъяснительной функции союз **да**, чаще всего в ПВЛ (но и там это всего четыре контекста). В КЛ встретился один пример в **пятой** текстологической части: **и рѣкоша володимѣрьци да кто с вами в думѣ то буди вамѣ. а намѣ не надобѣ** (208б:26–29, 1175) ‘И владимирцы сказали, что «кто с вами в сговоре, тот пусть будет ваш, а нам не нужен»’.

Союз **что**, который служит основным союзом в придаточных изъяснительных в современном русском языке, в древнерусских памятниках исключительно редок. В КЛ представлены всего три таких контекста, по одному в первой, второй и шестой текстологических частях. В **первой** и **второй** частях союз присоединяет объектное придаточное: **володимеръ. же прослави ба҃ в такомъ чудеси бѣи и в помощи его. вижъ что приодолѣ. гордость** (107в:6–9, 1123)

‘А Владимир прославил Бога за такое чудо Божие и за помощь Его, видя, что Он одолел гордость [врагов князя]’; **цѣлоуѣте крѣтъ ко игоревн. что въ начнеть давати. но по воли а не по ноуѣжи** (117г:14–16, 1145) ‘Целуйте крест Игорю, что он станет вас наделять, но добровольно, а не по принуждению’. В шестой же части изъяснительный **что** зафиксирован в целевом придаточном в составе конструкции **того дѣлаа что: и сѣма шоломъ погънаше шпатъ к полкомъ. того дѣлаа! что бѣша познали князѣа и возвратилисѣа бѣша** (224б:30–33, 1185) ‘И сняв шлем, он поскакал обратно к войску для того, чтобы они узнали князя и вернулись’.

Значимым с текстологической точки зрения представляется распределение изъяснительных **іако, оже, аже, како** и **ако(же)**.

В памятниках, где встречаются несколько союзов, их использование может зависеть от семантики предикатов, объектную валентность которых заполняет изъяснительное придаточное. Выбор союза для определенного предиката, таким образом, также может быть результатом некоей стратегии.

Прежде всего, в отношении использования союзов в изъяснительных придаточных однозначно выделяется **шестая часть** КЛ. Во-первых, среди всех древнерусских памятников это единственный текст, в котором союз **аже** в изъяснительной функции представлен не единичными примерами. Если обратиться к материалу летописей, то в ПВЛ, ГЛ и ВЛ изъяснительный **аже** отсутствует, в СЛ и НПЛ отмечено по одному примеру. В шестой части Киевской летописи 27 контекстов с **аже** ‘что’, и это составляет 51 % всех изъяснительных придаточных на промежутке 222б:17–245а:3. Ср. примеры: **и се рѣкоша вѣдаючи ажъ емоу не поуѣтити попадьи** (229в:27–28, 1188) ‘И они сказали это, зная, что тот не отошлет попадью’; **рюрикъ же посла к романови повѣдаа емоу. аже всеволодъ проситъ подъ тобою волости. а жалоуѣтсѣа на мене про тебе** (236б:25–29) ‘А Рюрик послал [послов] к Роману, говоря ему, что «Всеволод просит твоей волости и жалуется мне на тебя»’ – и т. д. Таким образом, с точки зрения употребления **аже** ‘что’ текст шестой части уникален. Помимо **аже**, только в шестой части в Киевской летописи частотен изъяснительный **како**: из десяти контекстов летописи восемь сосредоточены здесь, ср.: **целоуѣи с нами крѣтъ. како ти сѣа с нами не воевати** (237г:14–15) ‘Целуй с нами крест, что ты не будешь с нами воевать’. По этому параметру шестая часть сближается с ВЛ и НПЛ, в которых соответственно пять и шесть придаточных изъяснительных с **како**.

Помимо шестой части, изъяснительные **како** и **аже** встречаются во **второй** и в **пятой** частях, но примеры единичны, как и в прочих древнерусских летописях. Во второй части обнаружено по одному контексту с каждым из союзов, в пятой – соответственно один и два. Ср. примеры с **како**: (часть 2) **възвращаше имъ и лазоръ тѣсѣцкон и рагоуило. володимиръ тѣсѣцкон. како бѣша не оубили. игорѣа** (128б:32–33/128в:1–2, 1147) ‘Препятствовал им и тысяцкий Лазарь, и Рагуил, тысяцкий Владимира, чтобы не убили Игоря’; (часть 5) **оутвердивъшесѣа. с ростиславичема. крѣтънѣмъ цѣлованиемъ. како не створити има никакого зла городу** (210в:28–32, 1175) ‘Подтвердив крестным целованием с обоими Ростиславичами, что они вдвоем не причинят никакого зла городу’. В Суздальской летописи имеются параллельные чтения к обоим контекстам, но в них выступает другой союз: **іако не оубити игорѣа** (СЛ, 317:13), **іако не створити има в городѣ никакого зла** (СЛ, 373:21/374:1) – так что примеры релевантны. Контексты с **аже** следующие: (часть 2) **пакы ли брате не поѣдеш на ма. не жалѣи. аже моен волости поженѣ бѣги** (КЛ, 140в:23–26, 1149) ‘...не жалуйся, что «мою волость сожгут»’; (часть 5) **и слыша ѿ некого. аже брата его князь велѣлъ казнитъ** (207а:28–30, 1175) ‘И услышал от кого-то, что князь велел казнить его брата’; **слышав же всеволодъ. аже прислалъ стѣславъ сѣа своего. помагата зати своемуу** (216б:9–11, 1180) ‘А Всеволод, услышав, что Святослав прислал своего сына в помощь своему зятю...’.

Изъяснительный **како** (но не **аже**) зафиксирован также в одном контексте из **третьей** части, в которой вообще изъяснительных придаточных не очень много (15 фиксаций): **повѣда емү како са с королемъ видѣлъ въ здорвѣн и како вѣтѣ пособилъ има повѣдѣти володимира галичскаго** (164а:2–6, 1152) ‘Он рассказал ему, что видел короля здоровым и что/как⁸ Бог помог им победить Владимира Галицкого’.

В **первой** и **четвертой** частях ни **како**, ни **аже** не встречается, и это значимое отсутствие, поскольку, например, в четвертой части с изъяснительными придаточными найдено 60 контекстов.

Союз **ако(же)** в изъяснительной функции представлен только в КЛ и СЛ, причем во всех своих значениях в параллельных текстах двух летописей не совпадает. Изъяснительный **ако(же)** сосредоточен в основном во **второй** части, что выделяет ее из всех прочих. Ср. примеры: **а извѣстимса и ѣще. ако на семъ пути. ни тажи. имѣти ни которогоже извѣта** (127а:14–17, 1147) ‘Но и еще договоримся, что [у нас] на этом пути не будет ни ссор, ни какого-либо обмана’; **а мы вси хрѣтъ цѣловали на томъ ако где твоя шьнда боудеть. а намъ бѣгти с тобою** (134б:23:22–25, 1148) ‘А мы все целовали крест в том, что где бы ни нанесли тебе обиду, нам быть с тобою’; и т.п.

Одно только наличие **ако** в тексте значимо, поскольку этот союз уникален. Один пример **ако(же)** ‘что’ зафиксирован в **третьей** части – как и в одном из контекстов с временным **ако**, это вариант **акоже**: **ты ми еси самъ реклъ. акоже володимеръ не смѣеть головы склонити** (147б:19–21, 1150) ‘Ты сам мне сказал, что Владимир не смеет головы поднять (инфинитив **склонити** здесь употребляется ошибочно вместо **въсклонити**)’. Последний контекст с **ако** в КЛ отмечается в **пятой** части: **рекоша же. ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопли соутъ. в хирии** (220г:7–10, 1183) ‘Они сказали, что во время той битвы осадные сооружения, и кони, и много скота утонули в Хирии’.

Во всех текстологических частях КЛ, за исключением **шестой**, самые частотные союзы в изъяснительной функции – **тако** и **оже**, как и во всех прочих древнерусских памятниках в случае представленности в них более одного изъяснительного союза. С текстологической точки зрения существенным представляется не только количественное соотношение двух названных вариантов, но и распределение их по семантике предикатов, от которых зависит придаточное изъяснительное.

Как и в тексте летописи в целом, в каждой из частей из двух вариантов преобладает **оже** – вновь за исключением **шестой**, где, впрочем, перевес незначительный: примеров с **тако** – девять, а с **оже** – восемь. Оба союза в шестой части одновременно употребляются только при предикатах со значением ‘(у)знать/понять’, при этом с одними и теми же глаголами не встречаются, ср.: **оуразоумѣвъ же. тако далече шелъ есть. ѿ люди** (224б:28–30, 1185) ‘Поняв же, что он далеко отошел от людей’; **црь же оувѣдавъ оже есть сестричичъ великомуу князю всеволодоу соудальскому. и приа его с любовью! и с великою чтью** (231б:4–8, 1190) ‘А цесарь, узнав, что тот племянник великому суздальскому князю Всеволоду, принял его благосклонно и с большими почестями’. С предикатами, обозначающими чувства ((оу)видѣти, (оу)слышати) и эмоции (например, **радъ высть**), зафиксирован только **оже**, с глаголами ‘думать’ и глаголами речи – только **тако**, например: (глагол речи) **и повѣдаша имъ. тако повци стоятъ. на хоролѣ** (222в:19–20, 1184) ‘И сказали им, что половцы стоят на Хороле’; ‘(слышать’) **половци же слышавше оже идоутъ на на князи роустини. вѣжаша за днѣпръ** (227б:24–27, 1187) ‘А половцы, услышав, что на них идут русские князья, бежали за Днепр’.

В **пятой** части изъяснительных **оже** и **тако**, как и в шестой, практически поровну, но незначительный перевес у **оже** – восемь против семи контекстов, например: **слышавъ же оже андрѣевичъ володимеръ оумерлъ** (195б:24–26, 1171) ‘И услышав, что Владимир Андреевич

умер'; мѣстиславъ же мнѣвъ **ѿ**ко побѣжени соуть (218г:9–10, 1180) 'А Мстислав, думая, что они побеждены...'. Собственно говоря, пятую часть от шестой отличает не соотношение **оже/ѿко**, а малая частотность **ажѣ**. С точки зрения семантики предикатов пятая часть отличается от шестой части тем, что как **ѿко**, так и **оже** встречаются при всех имеющихся глаголах, за исключением предиката 'давать клятву', при котором **оже** не зафиксирован – см. контекст с **ѿко**: а княза водивше ко крѣту **ѿ**ко емѹ имѣти княгиню въ правду (201а:22–24, 1173) '... а князя приведа ко кресту [с тем условием], что он будет обращаться с княгиней справедливо'.

В четвертой части изъяснительный **оже** преобладает над **ѿко** более чем в полтора раза, это 36 примеров против 23, ср.: и ини тако молвахуть **ѿ**ко съ отравы бѣ емѹ смѣрть (185в:7–8, 1162) 'А некоторые так говорили, что от отравы была его смерть'; ростиславъ же оувѣдавъ. **уже** влѣгъ велми болить нача слати къ волгови велѣ емѹ миритисѣ (188а:7–11, 1167) 'А Ростислав, узнав, что Олег очень болен, стал присылать [послов] к Олегу, велѣ ему заключить мир'. Поскольку вариант **оже** в четвертой части настолько частотен, текстологически значимой в отношении семантики предикатов будет специализация **ѿко**. Из рассматриваемых двух союзов исключительно **ѿко** употребляется при глаголах со значением 'клясться', например: цѣловали башѣ! хрѣтъ к немѹ. **ѿ**ко ты на князь еси (177б:20–22, 1159) 'Они целовали к нему крест [в том], что «ты наш князь»'.

В третьей части **ѿко** как изъяснительный союз встречается уже в 2,5 раза реже, чем **оже**. Контекстов с **ѿко** всего четыре против десяти с **оже**. Если **оже** употребляется здесь при глаголах с различной семантикой, то все четыре контекста **ѿко** обнаружены в контекстах крестного целования, причем других союзов при таких предикатах не бывает. Например, (глагол речи + **оже**) и послаша к володимерѹ повѣдаша емѹ. **уже** король оуже идетъ на нь (147в:11–14, 1150) 'И он послали [вестников] к Владимиру, рассказали ему, что король уже идет на него [войной]'; (целование креста + **ѿко**) и на томъ хрѣтъ чѣнгын **целоваста**. **ѿ**ко не разлѹчитѣ има ни въ добрѣ ни въ злѣ (152а:7–10, 1150) 'И они целовали честный крест в том, что они не станут разлучаться ни в добре, ни в зле'. Таким образом, в третьей части у **ѿко** имеется жесткая контекстная закреплѣнность.

Во второй части процентное соотношение **оже** и **ѿко** по сравнению с третьей в еще большей степени в пользу **оже** – 2,75 (44 **оже** против 16 **ѿко** в придаточных изъяснительных). Строгой закреплѣнности за предикатами с определенной семантикой, в отличие от третьей части, здесь у союза **ѿко** 'что' не наблюдается. Только **ѿко** фиксируется лишь при глаголе мнѣти, ср.: володимеръ же мнѣ. **ѿ**ко к немѹ идоуть. и ста исполчивъсѣ передъ городомъ. на болонь (116г:15–19, 1144) 'Владимир же, думая, что идут на него, встал с войском у города на лугу'. В контекстах крестного целования **ѿко** предпочитается (10 примеров), но **оже** тоже достаточно частотен (6 фиксаций), ср.: игорю цѣлоуи крѣтъ **ѿ**ко имѣти братью въ любовь (117г:10–12, 1145) 'Игорь, целуй крест, что будешь в мире с братьями'; на томъ азъ. цѣлова к нимъ хрѣтъ. **уже** ти ѿ имѣти въ правду и любити (119б:14–17, 1146) 'В том я целовал к ним крест, что ты будешь поступать с ними справедливо и будешь с ними в мире'.

В первой части **ѿко** реже в два раза по сравнению с **оже** – правда, речь идет всего о пяти и десяти контекстах соответственно. Поскольку предикаты в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными в первой части достаточно разнообразны, при каждом из них союзов немного, и сложно говорить об их специализации. Однако же во всем тексте летописи при глаголе видѣти из двух союзов выступает **оже**, и только в первой части один раз зафиксирован и **ѿко**: видиши. **ѿ**ко ѿ к тобѣ крѣта и еше <не целовѣ> (113в:5–6, 1140) 'Ты видишь, что я к тебе еще и крест не целовал'. В отличие от второй части, здесь не зафиксирован

так при глаголе ‘слышать’, а с **оже** обнаружены четыре контекста, например: **изяславъ же слышавъ. уже пришли на стрыга его ратью** (1156:17–19, 1142) ‘А Изяслав, услышав, что на его дядю пришли с войском...’.

При сведении всех данных по изъяснительным союзам в КЛ получается следующая картина. В **первой** части в изъяснительной функции выступают **оже**, **так** и **что**. Союз **что** обнаружен в единственном контексте, **оже** преобладает над **так** в два раза. Это единственная часть, где из двух самых частотных союзов **так** зафиксирован с глаголом ‘видеть’.

Вторая часть – единственная, где представлены все изъяснительные союзы КЛ. Эта особенность сближает вторую часть в большей степени с СЛ, чем с другими ранними летописями: в СЛ имеются шесть изъяснительных союзов, в прочих летописных памятниках древнерусского периода их меньше. Помимо этого, во второй части максимально частотен **ак** ‘что’: контексты с этим союзом составляют 14 % всех изъяснительных придаточных. Самые распространенные союзы, как и в предыдущей части, – **оже** и **так**, но первый фиксируется чаще уже почти в три раза. По сравнению с первой частью, здесь появляется изъяснительный **так** при глаголе ‘слышать’ и глаголах речи.

В **третьей** части набор союзов существенно меньше: **акоже**, **как**, **оже** и **так**. Первые два представлены единичными примерами. Почти такая же стратегия в употреблении изъяснительных союзов, если исключить **ако(же)**, наблюдается в ВЛ – таким образом, эта часть КЛ сближается с ВЛ как в отношении временных, так и в отношении изъяснительных придаточных. Всего один контекст с **ако(же)** резко отличает текстологическую третью часть в КЛ от предыдущей. Из двух частотных вариантов ‘что’ **оже** встречается в 2,5 раза чаще, чем **так**. За изъяснительным **так** жестко закреплены контексты **крѣсть цѣловати**.

В **четвертой** части состав изъяснительных союзов не отличается разнообразием: из 60 контекстов всего один пример с **ак** ‘что’, остальные приходятся на **оже** и **так**. Соотношение двух самых распространенных союзов остается в пользу **оже**, но разница по сравнению с третьей частью меньше – древнерусский союз частотнее в 1,5 раза. У **так** сохраняется контекстная ограниченность, но разнообразие предикатов, при которых употребляется этот союз, достаточно большое. С глаголами, имеющими значение ‘клясться’, употреблен только **так**.

В **пятой** части в изъяснительной функции, помимо имеющихся в предыдущей части союзов, добавляется единственный пример летописи с изъяснительным **да**, а также вновь появляются **аж**, зафиксированный ранее во второй части, и **как**, встречающийся в редких примерах второй и третьей частей. По набору средств, выступающих в изъяснительных придаточных, эта часть КЛ ближе всего к НПЛ, в которой из этого набора отсутствует только **ак**. Разница в частотности **оже** и **так**, по сравнению со всеми предыдущими текстологически отличающимися отрывками, незначительна. В отличие от четвертой части, в пятой при глаголе ‘слышать’ вновь фиксируется **так**, как было во второй части.

В **шестой** части к четырем союзам добавляется **что**, и это формально сближает эту часть с СЛ, как и вторую. Но основное отличие этого отрезка текста КЛ – уникальная для всей древнерусской письменности частотность изъяснительного **аж** и уникальная для КЛ частотность **как**. Только в этой части в контекстах крестного целования ни разу не отмечены примеры с **так** ‘что’.

Проведенное исследование показывает, что выделенные ранее отрезки текста КЛ, различающиеся с языковой точки зрения, в отношении набора и распределения союзов во временных и изъяснительных придаточных также демонстрируют неодинаковые стратегии. Таким образом, шесть текстологических частей КЛ принадлежат перу разных авторов, причем у этих авторов были различные языковые установки.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02081 «Киевский свод рубежа XII–XIII вв.: состав источников и история сложения», предоставленного через Институт всеобщей истории РАН.

² От используемого в научной литературе названия «Галицко-Волынская летопись» применительно к тексту, следующему в Ипатьевской летописи за КЛ, представляется необходимым отказаться, поскольку в лингвистическом отношении статьи за 1200–1260 гг. (Галицкая летопись) отличаются от статей после 1261 г. (Волынская летопись) едва ли не сильнее, чем любые две другие раннедревнерусские летописи [Юрѣва, 2016].

³ Здесь и далее при ссылке указываются лист рукописи и строка/строки. Указание на памятник дается только в тех случаях, когда перед ним цитировался другой.

⁴ Спорадически встречаются также **кѣгда** и **вѣнегда**, но в КЛ их нет. О союзе **ако** во временной функции будет сказано ниже.

⁵ Поскольку в КЛ и СЛ имеется текст, восходящий к общему протографу и встречающийся в КЛ с самых ранних статей и до 1190-х гг., а предметом настоящего исследования служат различия языковых стратегий в разных текстологических частях КЛ, для исключения статистического «шума» все совпадающие с СЛ чтения не учитываются или особым образом оговариваются.

⁶ Вводная стандартная формула.

⁷ Ср., например, в той же СЛ: **в препловленѣхъ стѣ̑ поста̑ еда̑ твори̑ поклоненьє̑ ч̑тному̑ кр̑ст̑у̑** (449:13–14) ‘когда совершаем’.

⁸ Для второго како возможны альтернативные прочтения.

Список источников

Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 848–938.

Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 715–848.

Киевская летопись / изд. подгот. И.С. Юрѣва. М.: Изд. дом ЯСК, 2017.

Новгородская харатейная летопись / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1964.

Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 287–540.

Библиографический список

Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / под ред. акад. В.И. Борковского. М.: Наука, 1979. 462 с.

Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игоревы...: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 147–181.

Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, 2004–2005. М., 2006. С. 114–251.

Плетнёва А.А. Записи былин в составе рукописных сборников XVIII в.: языковые критерии жанра // *Русский язык в научном освещении*. 2021. № 2. С. 104–124.

Юрѣва И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // *Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования*. Oloмоuc, 2016. С. 65–77.

Юрѣва И.С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2021a. № 1. С. 305–331.

Юрѣва И.С. Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров // *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: сб. стат. к 70-летию академика А.М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021b. С. 246–266.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.01.2023

TEMPORAL AND EXPLANATORY CONJUNCTIONS IN DIFFERENT TEXTUAL PARTS OF THE KIEVAN CHRONICLE

I. S. Yurieva

Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Volkhonka str., 18/2, 119019, Moscow, Russia;

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Leninskiy av., 32a, 119334, Moscow, Russia

iriwonok@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0943-1216

ResearcherID: T-8359-2017

The paper examines the ratio of synonymous temporal and expository conjunctions within the six parts of the *Kievan Chronicle*, previously defined by linguistic features. The author analyzes the proper temporal conjunctions *egda* and *koli*, as well as the multifunctional *yako* and *kako* and unique for the *Kievan chronicle* *ako* in terms of temporal function. The author follows the peculiarities of explanatory appendices with multifunctional conjunctions *izhe*, *chto*, *ako(zhe)*, *kako*, *azhe*, *ozhe* and *jako*. The usage of temporal and explanatory conjunctions in different parts of the *Kievan Chronicle* can be compared with different Old Rus texts, including other chronicles, both using more and less bookish language – for example, with the bookish Galician Chronicle, the archaic Tale of Bygone Years, or, on the contrary, with the Volhynian Chronicle, whose language is close to the living Old Russian. The study shows that in the parts of the *Kievan Chronicle*, separated by previously found textual seams in the annals for 1144, 1150, 1152, 1171, and 1183–1184, the strategies for using synonymous subordinating conjunctions are also different. In particular, the contexts for temporal conjunctions change (narrative related to the activities of princes; religious narrative; direct speech of churchmen; direct speech of secular people) and the choice of predicate for the explanatory conjunctions differs ('think', 'know', 'speak/tell', 'swear', 'see', 'hear'). This shows that the *Kievan Chronicle* was probably composed by six different authors who followed different linguistic guidelines, including those concerning temporal and explanatory conjunctions.

Key words: Old Rus, Chronicles, *Kievan Chronicle*, textology, subordinating conjunctions, linguistics.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-28-02081.

References

- Borkovskiy, V.I. (ed.) (1979), *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Compound Sentence], Nauka, Moscow, USSR, 462 p.
- Gippius A.A. (2006), “Novgorod sovereign chronicle of the 12th – 14th centuries and its authors (History and structure of the text in linguistic coverage)”, in *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source studies and the history of the Russian language], 2004–2005, Drevlehranilishhe, Moscow, Russia, pp. 114–251.
- Gippius, A.A. (2001), “The squad of Igor said...: Toward a linguotextological stratification of the Primary Chronicle”, *Russian Linguistics*, № 25, pp. 147–181.
- Pletneva, A.A. (2021), “Recordings of epics as part of manuscript collections of the 18th century: linguistic criteria of the genre”, *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, № 2, pp. 104–124.
- Yurieva, I.S. (2016), “Linguistic parameters of stylistic differences between the Galician and Volhynian chronicles”, in *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya*, n.p., Olomouc, Czech Republic, pp. 65–77.
- Yurieva, I.S. (2021a), “On the definition of textological boundaries within the Kievan chronicle: some grammatical and lexical data”, *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, №1, pp. 305–331.
- Yurieva, I.S. (2021b), “Features of the use of temporary conjunctions with the meaning ‘when’ in Old Russian texts of different genres”, in Pichkhadze, A.A., Yurieva, I.S., Mishina, E.A., Mushinskaya, M.S. & Yu.V. Kagarlitskiy (eds.), *Slova, konstruktssii i teksty v istorii russkoy pis'mennosti: Sbornik statey k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* [Words, constructions and texts in the history of Russian writing: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Academician A.M. Moldovan], Nestor-Istoriya, Moscow; St Petersburg, Russia, pp. 246–266.